

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Готовцева А.Г. Журналист в декорациях террора: Камиль Демулен и газета «Старый Кордельер» // Филология: научные исследования. 2024. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.10.72033 EDN: VECVFU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72033

Журналист в декорациях террора: Камиль Демулен и газета «Старый Кордельер»

Готовцева Анастасия Геннадьевна

доктор филологических наук

профессор; кафедра журналистики и телевизионных технологий; Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
ведущий научный сотрудник; Институт научной информации по общественным наукам РАН

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовническая, 33, стр. 1



✉ brunhilda@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации "](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.10.72033

EDN:

VECVFU

Дата направления статьи в редакцию:

17-10-2024

Дата публикации:

24-10-2024

Аннотация: В статье впервые в отечественной науке о журналистике излагается подробная история газеты Камиля Демулена «Старый кордельер» в историко-политическом контексте якобинского террора. Подробно рассматривается содержание семи номеров газеты, делается попытка раскрыть выстраиваемую Демуленом политическую концепцию издания в его споре лидером крайне левых Жаком Эбером, а также всесильным диктатором Максимилианом Робеспьером. Первые номера «Старого кордельера» вполне удовлетворяли Робеспьера, потому что метили в Эбера и проповедуемый им культ Разума. Однако постепенно смысл демуленовских текстов стал меняться. Журналист стал писать о недостатках всей машины государственного террора и в конце концов неизбежно критиковать Робеспьера, своего товарища юности. Уже

своим третьим номером Демулен вызвал недовольство политических Клубов якобинцев и кордельеров, из которых спустя короткое время он был исключен. Шестой номер задержал издатель Десенн, требуя изъять самые острые фрагменты. А седьмой номер газеты, за редактированием которого Демулена застал арест, вышел лишь после Термидора, да и то с сокращениями. Основными методами данного исследования являются метод качественного контент-анализа, метод дискурсивного анализа, а также биографический метод. По итогам исследования делается вывод о том, что политические взгляды Демулена, которые в начале Революции были достаточно радикальными, на фоне террора претерпели значительную эволюцию. Именно для того, чтобы оказывать влияние на события, он вернулся в журналистику и вновь стал издавать собственную газету — занятие, которое оставил, когда отошел от издания периодической брошюры «Революции Франции и Брабанта». Талантливый журналист, Демулен выстраивал тексты своих номеров используя «эзопов» язык и иносказательные образы, которые, однако, были вполне понятны современникам. Политическая позиция Демулена становилась все более непримиримой к правительственной террористической политике. В конце концов борьба с Робеспьером с газетных страниц привела к тому, что Демулен оказался на гильотине.

Ключевые слова:

Французская революция, Демулен, Эбер, Робеспьер, газетная полемика, кордельеры, якобинская диктатура, Старый кордельер, Папаша Дюшен, террор

Введение

После изгнания жирондистов из Конвента и убийства Марата (*фр. Jean-Paul Marat, 1743–1793*) в рядах якобинцев начали проявляться противоречия. К осени 1793 г. революционному правительству Робеспьера противостояли два течения. Умеренные, возглавляемые Жоржем Дантоном (*фр. Georges Jacques Danton, 1759–1794*) и Камилем Демуленом (*фр. Lucie-Simplice-Camille-Benoît Desmoulins, 1760–1794*), призывали к отказу от террора. Дантону приписывают крылатую фразу: «Кто слишком долго делает революцию, рискует не воспользоваться ее плодами». Радикально левые в главе с Жаком-Рене Эбером (*фр. Jacques-René Hébert, 1757–1794*) считали, что репрессии недостаточны и завоевания Революции в опасности.

Каждая группа имела свой печатный орган. Газета Демулена называлась «Старый кордельер». Эбер же продолжал издавать неизменного «Папашу Дюшена» (*фр. Le Père Duchesne*), рожденного в самом начале Революции. В конце 1793 — начале 1794 гг. между изданиями развернулась борьба, которая привела в итоге к гибели обоих авторов.

Всесильный диктор Робеспьер (*фр. Maximilien Marie Isidore de Robespierre, 1758–1794*) стоял как бы над схваткой, лавируя между течениями и пытаясь использовать оппонентов друг против друга, что, впрочем, не спасло от гильотины.

Свою газету «Старый кордельер» (*фр. Le Vieux Cordelier*) Демулен начал издавать в декабре 1793 г. Само название имело антиэберовскую коннотацию: Клуб кордельеров в глазах Демулена имел ценность только в своем «старом» воплощении, то есть до того, как с начала 1791 г. туда стали проникать эбертисты. Первоначально газета должна была выходить раз в пять дней (два раза в декаду). Но в декабре вместо шести вышло пять номеров. Шестой, хотя и был помечен 25 декабря 1793 г. (5 нивоза II года), вышел

лишь в начале февраля 1794 г. Последний же, седьмой, помеченный 3 февраля 1794 г. (15 плювиоза II года), набранный и готовый к печати, так и не вышел при жизни автора. Демулен был арестован, а номер был впервые опубликован его типографом Виктором Десенном (Victor Desenne, до 1752 – после 1815) в июне 1795 г. с изъятием неугодных Термидорианскому конвенту фрагментов текста, содержащих критику Робеспьера.

Нумерация страниц для всех номеров была сквозной с несколькими сбоями. Каждый номер содержал одно эссе на ту или иную тему, поэтому газета представляла из себя скорее периодический памфлет, нежели газету в современном смысле этого слова, что, впрочем, в ту эпоху отнюдь не было редкостью. Но острота материалов, их злободневность и неповторимый стиль Демуlena выделяли листки среди собратьев. Историк литературы Эжен Марон утверждал, что «“Старый кордельер”, погубивший Камиля Демуlena и возведший его на гильотину, является, быть может, самым красноречивым сочинением, произведенным революцией, без сомнения, до и после журналистика не дала ничего, что можно было бы сравнить с ним» [\[1, р. 265\]](#).

Демулен решил вернуться в журналистику спустя полтора года после закрытия своей газеты «Революции Франции и Брабанта» (*фр. Révolutions de France et de Brabant*), заявив: «У нас больше нет газеты, которая бы говорила правду, по крайней мере, всю правду. Я выхожу на арену со всей откровенностью и смелостью, которыми я известен» [\[2, р. 4-5\]](#). Это решение было, так сказать, «партийным», принятым совместно с Дантоном.

Эпиграфом своего издания Демулен выбрал известный девиз Якобинского клуба «Жить свободным или умереть» (*фр. Vivre libre ou mourir*), который был внесен в текст Конституции 1791 г. Эта максима оказалось для Демулена пророческой: не добившись ослабления террора, он погиб на гильотине.

Методология, актуальность, новизна

Методология проведенного исследования имеет комплексный характер, при котором были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, биографический метод, сравнительно-исторический и описательный методы, а также метод дискурсивного анализа, который сочетает изучение лингвистических особенностей текста источника и различных экстралингвистических аспектов.

Данную статью можно считать не только первым опытом подробного изложения в отечественной науке о журналистике истории журнала «Старый Кордильер», но и начальным подходом к анализу языковой личности и образа автора [\[3; 4\]](#), то есть Демулена, как революционера и журналиста. Деятели переломных, судьбоносных эпох, какой является, безусловно, эпоха Французской революции, в этом смысле представляют несомненный интерес, т. к. их языковая личность и ее тезаурус складываются в экстраординарных быстро меняющихся обстоятельствах [\[5\]](#). Однако на всеобъемлющий анализ языковой личности Демулена статья не претендует, т. к. рассматривает лишь ограниченный комплекс демуленовских текстов — одно из его периодических изданий. Кроме этого, исследовательская оптика автора была сосредоточена скорее на историческом аспекте журналистского творчества, нежели вопросах медиалингвистики.

Первый номер: эбертисты и Питт

В первом номере издание предупреждало об опасностях для Франции, исходящих от европейских стран, особенно Англии, главного врага Французской революции. Демулен

утверждал, что разногласия среди революционеров — дело рук английского правительства и лично первого министра Уильяма Питта-младшего (англ. William Pitt the Younger, 1759–1806). Здесь, не называя имен, он говорил о некой «иностранный партии» (фр. le parti de l'étranger), члены которой нападают на Дантона, «нашего извечного председателя старых кордэльеров», за что получают «гинеи от Питта» [2, p. 2–3]. Героем пассажа предстает Робеспьер, защитивший Дантона в своей речи в Якобинском клубе, где того обвиняли по многим пунктам, в том числе в таковом же сотрудничестве с иностранными державами (Варианты речи см.: [6, p. 219–225]). Номер «Старого кордэльера» вышел всего через два дня после робеспьевской речи. В нем Демулен использует классический аргумент апелляции к личности *argumentum ad hominem tu quoque* (и ты тоже), именно поэтому в тексте и возникает «иностранный партия», состоящая соперников-эбертистов.

Упоминание Питта как было подвело Демуlena к рассуждениям о свободе печати в двух странах и заставило с горечью заметить: «Год назад мы с полным основанием высмеивали так называемую свободу англичан, у которых нет неограниченной свободы печати; и все же какой добросовестный человек осмелится сравнить сегодняшнюю Францию с Англией в вопросе свободы печати? Посмотрите, как смело «Morning Chronicle» атакует Питта и военные действия! Какой журналист во Франции осмелился указать на ошибки наших комитетов, и генералов, и якобинцев, и министров, и коммуны, как оппозиция указывает на ошибки британского министерства? А я, француз, я Камиль Демулен, я не так свободен, как английский журналист!» [2, p. 5].

Но виноват в ограничениях свободы печати отнюдь не Робеспьер, которого Демулен превозносит, а те же оплачиваемые Питтом эбертисты, требующие ужесточения террора.

Робеспьеру новый периодический листок пришелся по душе: он вполне вписывался в его риторику и в его ближайшие намерения — расправиться с эбертистами. Он обратился к своему другу юности Демулену с просьбой принять участие в издании. И второй номер, вышедший 20 фримера II года (10 декабря 1793 г.) отмечен всеми признаками прямого участия лидера якобинцев [7, p. 547]. Это была пропаганда культа Верховного Существа и атака на эбертистский культ Разума, дискредитацией которого Робеспьер в тот период активно занимался.

Второй номер: Анахарсис, Анаксагор и Фридрих-Вильгельм II

Едва ли не главным объектом нападок второго номера становится Анахарсис (настоящее имя Жан-Батист) Клоотс (фр. Anacharsis (Jean-Baptiste) Cloots, 1755–1794), голландец по происхождению, детство и молодость проведший в Пруссии и имевший титул прусского барона. Это давало Демулену риторическую возможность видеть во главе заговора против Французской Республики прусского короля Фридриха-Вильгельма II (нем. Friedrich Wilhelm II. von Preußen, 1744–1797), как до этого английского премьер-министра Питта. Еще одним антигероем номера был Пьер-Гаспар Шометт, взявший себе античное имя Анаксагор (фр. Pierre-Gaspard (Anaxagoras) Chaumette, 1763–1794), прокурор-синдик Парижской коммуны. Оба они обвинялись в контрреволюционности: «Анахарсис и Анаксагор будут думать, что врашают колесо разума в то время, как это будет колесо контрреволюции» [8, p. 2].

Пока Демулен метил в Эбера и других ультрапреволюционеров, которые хотели взять власть в свои руки, внедряя собственную идеологию и пытаясь вытеснить остальных, Робеспьер не имел ничего против газеты, его цели вполне согласовывались с тем, о чем

она писала. Но постепенно направленность газеты стала меняться.

Третий номер: «Подозрителен!»

В третьем номере, вышедшем еще 5 дней спустя после второго, 25 фримера II года, «Старый кордельер» поставил под сомнение саму систему террора и принципиальную необходимость революционного правительства. Цитируя и интерпретируя, вольно размещая и пересказывая Тацита, а также Саллюстия, Светония и Цицерона, Демулен вывел под масками римских императоров-тиранов портреты политических деятелей революционной эпохи. Жертвы эпохи Октавиана, Клавдия, Нерона и Калигулы проецировались на жертв террора при Якобинском конвенте. Рассуждения о древнеримской «подозрительности» очень напоминали современность: «Все возбуждало беспокойство тирана. Гражданин был популярен? Он был соперником властителя, могущим спровоцировать гражданскую войну. <...> Подозрителен.

Напротив, вы скрывались от популярности и оставались у домашнего очага? Эта уединенная жизнь делала вас заметным и привлекала внимание. <...> Подозрителен.

Вы были богаты? В этом была опасность того, что народ развратится вашей щедростью. <...> Подозрителен.

Вы были бедны? Как бы не так! Непобедимый император, нужно более пристально следить за этим человеком, нет никого более предприимчивого, чем тот, у кого ничего нет. <...> Подозрителен.

У вас мрачный, меланхоличный характер или небрежный туалет? Что вас больше всего удручаает, это то, что общественные дела идут хорошо. <...> Подозрителен.

Если, напротив, гражданин предался праздности и пресыщению, он развлекался только потому, что у императора был приступ подагры, который, к счастью, обошелся, надо было дать ему почувствовать, что император еще во цвете сил. <...> Подозрителен.

Был ли он добродетельного и строгого нрава? Прекрасно! Новый Брут, который своей бледностью и якобинским париком заявлял о праве осуждать любезный и добротно завитой двор. <...> Подозрителен.

Был ли он философом, оратором или поэтом? Он вполне соглашался иметь больше славы, чем слава тех, кто правил! Возможно листерпеть, чтобы с четвертого яруса больше внимания уделялось автору, нежели императору в его решетчатой (здесь, вероятно, игра слов: фр. grillé — решетчатый, одновременно обозначает провалившийся, скомпрометировавший себя — А. Г.) ложе? <...> Подозрителен.

Наконец, доброе имя приобретено на войне? Своим талантом вы еще более опасны. С неспособным генером есть еще выход из положения. Если он предатель, он не сможет так хорошо сдать армию врагу, чтобы кто-нибудь не вернулся. Но офицер уровня Корбулона или Агриколы (Корбулон Гней Домиций (лат. Gnaeus Domitius Corbulō; ок. 7–67) — древнеримский военачальник, прославившийся во время Восточной кампании императора Нерона; Агрикола Гней Юлий (лат. Gnaeus Julius Agricola, 40–93) — выдающийся древнеримский полководец эпохи императора Веспасиана, тесть историка Тацита. — А. Г.), если бы он предал, ни один не убежал бы. Лучше всего было избавиться от него, по крайней мере, владыка, вы не можете уклониться от того, чтобы скорее удалить его из армии. <...> Подозрителен» [\[9, р. 32–34\]](#).

Для Демулена Тацит оказался настоящим кладезем историй из политической жизни,

которые можно было экстраполировать на современную ему Францию, где преступление «контрреволюции» играло ту же роль, что и преступление «оскорбления величества» в Древнем Риме. Говоря о подозрительности, Демулен прямо метил в «Закон о подозрительных», принятый Конвентом в сентябре 1794 г. Однако в том же Конвенте вскоре поднялось противодействие ему: часть депутатов настаивала на необходимости письменного обоснования производимых арестов, после чего была принята соответствующая директива. Главными исполнителями «Закона о подозрительных» были революционные власти на местах, которые опротестовали его смягчение. Их поддержал Робеспьер и директива была отменена.

14 декабря (24 фримера) в Якобинском клубе состоялось чрезвычайное заседание, на котором обсуждали Демулена, речь шла о его исключении из Клуба. Журналиста обвиняли в безразличии к Революции и защите арестованного за контрреволюционную деятельность генерала Артура Диллона (Дийона, *фр. Arthur de Dillon, 1750–1794*). Робеспьер защитил своего старого товарища, заявив, что несмотря на приписываемые ему дружбу с Мирабо, связи с умеренными и восхищение мужеством жирондистов, он является настоящим республиканцем, и он был таковым «когда некоторые из сегодняшних великих патриотов трепетали, возможно, даже пресмыкались перед тираном. <...> Он оказал Революции большие услуги. Его энергичное и легкое перо может еще послужить ей с пользой, но, более осмотрительный в выборе друзей, он должен разорвать все договоры с нечестием, то есть с аристократией. В этих условиях я прошу допустить Камиля Демулена» [\[6, р. 253–255; 10, р. 560\]](#).

Четвертый номер: «Свобода — это счастье».

Через несколько дней, 20 декабря (30 фримера), вышел очередной, четвертый номер демуленовских листков. Здесь он не просто обсуждал неправомерность «подозрительности», но и заявлял о том, что ограничения свободы не должны иметь места, что то «состояние терпения» в ожидании свободы, о котором говорят его критики, не может являться оправданием для ее ограничения: «Некоторые, видимо, думают, что свобода, как и детство, должна пройти через крики и слезы, чтобы достичь зрелости. Напротив, свобода такова, что для того, чтобы ею наслаждаться, достаточно ее захотеть. Народ свободен до тех пор, пока он этого хочет. <...> У свободы нет ни старости, ни детства. У нее есть только один возраст — возраст силы и энергии. <...> Свобода, которую я обожаю, — это не неведомый Бог. Мы боремся за защиту благ, которые она немедленно передает во владение тем, кто ее призывает. Эти блага — декларация прав, мягкость республиканских правил, братство, святое равенство, нерушимость принципов. Вот шаги богини; вот черты, по которым я отличаю людей, среди которых она живет. И по какому еще знаку желают, чтобы я узнал эту божественную свободу? Пустое ли имя эта свобода? <...> Свобода — это счастье, это разум, это равенство, это справедливость, это декларация прав, это ваша величественная конституция!» [\[11, р. 50–51\]](#).

Главная мысль, к которой подходит Демулен после своих размышлений о свободе — мысль о том, что для достижения свободы вместо террора необходимо милосердие: «Хотите, чтобы я узнал ее, пал к ее ногам, пролил за нее всю свою кровь? откройте тюрьмы для тех двухсот тысяч граждан, которых вы называете подозреваемыми; ибо в декларации прав нет подозрительных домов; есть только дома предварительного заключения. У подозрения нет тюрьмы, но есть общественный обвинитель; нет подозрительных людей; есть только обвиняемые в преступлениях, установленных законом. И не верьте, что эта мера будет губительна для республики. Это будет самый революционный шаг, который вы когда-либо предпринимали.

Вы хотите истребить всех своих врагов с помощью гильотины. Но было ли когда-нибудь большее безумие? Сможете ли вы казнить на эшафоте хотя бы одного, не нажив при этом десять врагов из его семьи и друзей? Вы верите, что именно эти женщины, эти старики, эти доходяги, эти эгоисты, эти отставшие от революции, которых вы запираете, опасны? Из ваших врагов среди вас остались только трусы и больные. Смелые и сильные эмигрировали. Они погибли в Лионе или в Вандее; все остальное не заслуживает вашего гнева» [\[11, р. 51-53\]](#).

Античные и другие исторические аналогии, которыми так же, как и в предыдущем номере, в изобилии наполнены газетные страницы, на этот раз уже не уклончиво намекают, а прямо указывают на политическую ситуацию в революционной Франции и призывают к милосердию: «Столько примеров доказывает то, что я только что сказал, что милосердие, распределенное разумно, является самой революционной, самой эффективной мерой, тогда как террор — это всего лишь наставник на один день, как метко называет его Цицерон» [\[11, р. 58\]](#).

Формулируя явную антитезу кровавым Комитетам общей безопасности и общественного спасения, Демулен предлагает учредить комитет милосердия, который «завершит революцию; потому что милосердие есть тоже революционная мера, и самая действенная из всех» [\[11, р. 56\]](#). За поддержкой он обращается к «старому другу», «дорогому Робеспьеру», убеждая его, что «любовь сильнее и долговечнее страха», и, пытаясь сблизить позиции, заявляет, что предложенная последним специальная комиссия из представителей обоих Комитетов для рассмотрения требований родственников арестованных «подозрительных» об их освобождении, фактически и есть предложенный тот самый комитет милосердия. Хотя, по утверждению Демулена, комиссию Робеспьера скорее следовало бы назвать комитетом справедливости.

Несмотря на примирительный и даже интимный тон «Старого кордельера», Неподкупный не мог быть доволен общим направлением газеты своего друга.

Третий и четвертый номера вызвали живейшую реакцию и стали предметом обсуждения в Клубах, Комитетах и в Конвенте. Так, присяжный заседатель Революционного трибунала и руководитель его типографии, член Комитета общественного спасения Шарль-Леопольд Николя (*фр. Charles-Léopold Nicolas, 1757?-1794*) на заседании Якобинского клуба 21 декабря обвинил Демулена в контрреволюционной деятельности, заявил, что он «издавна приближается к гильотине», и потребовал исключить из Клуба. К этому требованию присоединился Эбер, добавив, что автор «Старого кордельера», «с тех пор, как женился на богатой женщине, проводил время более с аристократами, которым часто покровительствовал», а вновь взявшиесь за перо, «занимается высмеиванием патриотов». После этого было решено пригласить Демулена на следующее заседание Клуба для ответов на выдвинутые против него обвинения. Для исследования всех вопросов, касающихся его и еще нескольких подозреваемых в контрреволюции, была создана специальная комиссия [\[10, р. 569-573\]](#). Нападки продолжались 23 декабря, когда радикальный депутат Конвента Жан Колло д'Эрбуа (*фр. Jean-Marie Collot d'Herbois, 1749-1796*), не называя имени Демулена, заявил, что переводить «древних историков», чтобы «предложить вам картину времени, в котором вы живете» непатриотично, и такой человек никогда не догонает Революцию, и 26 декабря, когда Эбер потребовал провести экспертизу «двух последних» номеров «Старого кордельера», третьего и четвертого [\[10, р. 577, 584\]](#).

Пятый номер: «Будьте осторожны; мы собираемся коснуться крайности».

Между тем, Демулен выпустил пятый номер газеты, который был помечен 5 нивоза (25 декабря). В этот день Робеспьер произнес в Конвенте речь «О принципах революционного правительства», в которой фактически был официально провозглашен террор и сформулированы основные его постулаты. Укажем в скобках, что пятый номер вышел в свет на одиннадцать дней позже и своей даты, и этой речи: 5 января 1794 г.: на заседании Якобинского клуба специальным письмом Демулен объявил о его выходе [7, р. 592].

Материал пятого номера был построен в форме «Большой оправдательной речи» перед якобинцами. Демулен, использовав робеспьевский образ корабля из вышеуказанной речи, в бурном море проходящего между двумя рифами, и объяснял, почему начал придерживаться «песчаной отмели умеренности». Слово *modérantisme* (модерантизм), используемое в революционном тезаурусе и переводимое как умеренность, существует в русском языке как термин. «Корабль Республики <...> плывет между двумя рифами: умеренностью и крайностью. — писал Демулен, — Я начал свою газету с политического исповедания веры, которое должно было обезоружить клевету. Я говорил вместе с Дантоном, что *выйти за рамки революции менее опасно и даже лучше, чем оставаться в ней* (курсив в тексте источника — А. Г.); что на пути, взятом судном, все же нужнее приближаться к скале крайности, чем к песчаной отмели умеренности. Но видя, что папаша Дюшен и почти все патриотически настроенные часовые стоят на верхней палубе со своими подзорными трубами и заняты только призывом: «Осторожно, вы прикасаетесь к умеренности», я, старому Кордельер и старейшина якобинцев, был вынужден взять на себя ответственность за трудную фракцию, чего никто из молодых людей не хотел, опасаясь стать непопулярным, фракцию призыва: «Будьте осторожны, вы рискуете коснуться крайности»; и это дело, за которое мне должны все мои коллеги по Конвенту — дело жертвовать даже своей популярностью для того, чтобы спасти корабль, на котором мой груз не был значительнее их груза. <...> Мне будет легко доказать, что я был вынужден вызывать к кормчим государственного корабля: «Будьте осторожны; мы собираемся коснуться крайности». Робеспьер и даже Бийо-Варенн (Бийо-Варенн Жак-Николя (фр. Jacques-Nicolas Billaud-Varenne; 1756–1819) — революционер, влиятельный член «великого» Комитета общественного спасения, активный участник Термидорианского переворота) уже осознали эту опасность. Журналисту осталось подготовить мнение, наглядно показать риф: именно это я и сделал в первых четырех выпусках» [12, р. 59–60].

В свою защиту Демулен ссылался на речь Робеспьера, в которой тот называл его «настоящим республиканцем», оказавшим «Революции большие услуги» и акцентировал внимание на том, что фактически именно благодаря ему, его выступлению в саду Пале-Рояль и состоялось взятие Бастилии, и затем собственно Революция. Отвечая Николя, Демулен писал: «Вы, Николя, имеющий влияние товарища, друга Робеспьера у якобинцев; вы, знающий, что мои намерения не являются контрреволюционными, как вы поверили пересудам, произносимым в некоторых кабинетах? как вы поверили им больше, чем речам Робеспьера, который следовал за мной почти с детства и который за несколько дней до того дал мне такое свидетельство, которое я противопоставляю клевете: что он не знал лучшего республиканца, чем я; что я был им по инстинкту, по чувству, а не по выбору, и что для меня невозможно даже было быть кем-то другим. Расскажите мне о ком-нибудь, о ком отзывались бы с большей похвалой?

Однако *тапдюры* (*tape-durs*) поверили Николя, скорее, чем Робеспьеру; и уже группками меня называют заговорщиком. Это правда, граждане. Вот уже пять лет я строю заговор, чтобы создать республиканскую Францию, счастливую и процветающую.

Я составил заговор ради вашей свободы задолго до 12 июля. <...> Я составлял заговор 12 июля, когда с пистолетом в руке призывал нацию к оружию и свободе, и я первый взял эту национальную кокарду, которую нельзя прикрепить к шляпе, не вспомнив обо мне [12, р. 64–65].

Тапдюры (от фр. *tape* — хлопок, шлепок и *dur* — твердый, жесткий, суровый, грубый) — банда головорезов, тайных агентов крайне левого революционера Станисласа-Мари Майяра (фр. Stanislas-Marie Maillard, 1763–1794). Эти люди, в качестве отличительных признаков носившие с собой мешок, веревку и сучковатую дубину, которой в насмешку дали название «Конституция», без всяких доказательств арестовывали «подозрительных», наводя ужас на парижан (см., напр.: [13, р. 6–7]; [14, р. 3]). *Tape-Dur* часто переводят как Крепкий Кулак, называя так самого Майяра.

Далее Демулен отвечает другим своим оппонентам — Колло д'Эрбуа, Бертрану Барреру (фр. Bertrand Barère de Vieuzac, 1755–1841), с которыми он достаточно сдержан, называя конфликт с ними «всего лишь домашнейссорой с моими друзьями патриотами», и Эбера, в адрес которого отпускает резкие фразы, заявив, однако, что для атаки собирается использовать только факты, а не оскорблений [12, р. 74].

«Луч надежды, которым я светил в глубине тюрем заключенным патриотам, — патетически замечал Демулен, — образ будущего счастья Французской Республики, который я заранее и до срока представил своим читателям, и одно имя комитета милосердия, которое я произнес, если хотите, напрасно для данного момента, одно это слово произвело на тебя, Эбер, действие хлыста фурий? Ты не смог смириться с мыслью, что однажды нация станет счастливой и народ братьями? Ведь одного этого слова милосердие, <...> тебе хватает, чтобы закипеть от ярости, власть в чертов гнев, лишиться чувств, и дойти до безумия так, чтобы донести на меня перед якобинцами за то, что я женился, как ты говоришь, на богатой женщине» [12, р. 75].

Демулен доказывал, что, за все время своей популярности и даже пребывания на высокой должности в революционном правительстве не нажил себе никакого состояния, кроме того, что принесла ему в качестве приданного его жена, в отличие от Эбера, который, начав билетером в театре Варьете, теперь живет на широкую ногу. Главным аргументом для доказательства контрреволюционности «Папаши Дюшена» стала опубликованная в конце пятого номера «Старого корделььера» таблица сумм, якобы выделенных из казны на издание эберовской газеты военным министром Жаном-Батистом Бушоттом (фр. Jean-Baptiste Noël Bouchotte, 1754–1840), на которого Демулен нападал в третьем номере [9, р. 48], и которого Эбер, в свою очередь, защищал на заседаниях Якобинского клуба [10, р. 571]. Указанные суммы эти несколько раз превышали затраты на заявленный тираж.

«Каково будет презрение граждан к этому нахальному папаше Дюшену, когда в конце этого номера 5 они узнают из выписки, взятой из казначейских книг, что лицемер, который упрекает меня в бесплатном распространении газеты, которую весь Париж бежит покупать, получил за один день в октябре прошлого года 60 тысяч франков у Мецената Бушотта за 600 тысяч экземпляров, и что, путем легкого сложения, читатель увидит, что негодяй Эбер только в этот день украл 40 тысяч франков у нации», — заявлял Демулен и утверждал затем, что листки Эбера сеют «по всей Франции плодородные семена мятежей и убийств». Оканчивался пятый номер «Старого Корделььера» похвалой Робеспьеру, который в своей речи «О принципах революционного правительства» «закрепил основные принципы нашей революции, на которых только

можно укрепить свободу и бросить вызов усилиям нынешних тиранов» [\[12, р. 77–711, 911, 99\]](#).

Следующий, шестой номер газеты должен был увидеть свет 10 нивоза, то есть 30 декабря, но так как в этот срок еще не вышел и пятый номер, шестой номер также задерживался, а ситуация вокруг Демуленя и его издания продолжала накаляться. 5 января Колло д'Эрбуа предложил запретить выпуск «Старого Корделььера» [\[10, р. 593\]](#).

Кульминацией всех событий вокруг газеты стало 7 января, когда Якобинский клуб вновь собрался, и Робеспьер взял слово. Утверждая, что «Старый корделььер» — опасное и политически неблагонадежное сочинение, которое является оружием в руках аристократов и фейянов, он заявил: «Сочинения Камиля, вне всякого сомнения, достойны осуждения; но тем не менее мы должны ясно отличать человека от его произведений. Камиль — избалованный ребенок счастливых дарований, сбитый с пути плохой компанией. Необходимо принять жесткие меры к его номерам, которые сам Бриссо (*Бриссо Жак-Пьер* (фр. Jacques-Pierre Brissot de Warville, 1754–1793) — лидер партии жирондистов во второй период Революции. По обвинению в соглашении с аристократами был казнен на гильотине вместе с 20 своими сторонниками 31 октября 1793 г.) не осмелился бы одобрить, и оставить Демуленя среди нас. В назидание я требую сжечь в Обществе (друзей свободы и равенства, т.е. в Якобинском клубе — А. Г.) номера Камиля» [\[6, р. 308–310\]](#).

Это предложение привело присутствующего на заседании Демуленя в ярость. Он произнес ставшую крылатой фразу, которую приписал Руссо (великий женевец якобы сказал ее, когда узнал о назначении к сожжению своего трактата «Эмиль или о воспитании»): «Сжечь — не значит ответить» (фр. Brûler n'est pas répondre). Упоминание Руссо особенно задело Неподкупного. Получалось, что его обвиняли в выступлении против руссоистской свободы, которую он сам всегда проповедовал [\[15, р. 152\]](#). Робеспьер жестко парировал, заявив, что свое предложение о сожжении номеров он снимает, а вместо этого требует, «чтобы номера Камиля не сжигались, а за них несли ответственность. Раз он этого хочет, пусть покрывается позором!» Постулировав, что цитата из Руссо не может быть применима в данном случае, Неподкупный назидательно заключил: «Знай, Камиль, что, если бы ты не был Камилем, мы не имели бы к тебе такой снисходительности. С тобой обращаются как со сбившимся с пути ребенком, ты осмеливаешься жаловаться. Ну что ж! Я прошу, чтобы номера были зачитаны в полном заседании, и Общество со своей мудростью обсудит решение, которое оно должно принять». Демулен резонно возражал, говоря, что его листки читали все, и Конвент, и Гора, и в таком случае, следуя мысли Робеспьера, все они должны состоять только из аристократов. Наконец, и сам Робеспьер был сопричастен изданию: «Ты осуждаешь меня здесь, но разве я не был у тебя дома? Разве я не зачитывал тебе свои номера, умоляя тебя во имя дружбы быть настолько любезным, чтобы помочь мне своим советом и указать мне путь, по которому мне следует идти?» Но эти аргументы не были услышаны у якобинцев, как и призывы Дантона быть осторожными, чтобы, осуждая Демуленя, не нанести «смертельный удар по свободе прессы». Робеспьер ответил в том духе, что не читал номеров, кроме первых двух и вообще не хочет знать, что в них, т. к. не хотел бы поддерживать распри и принимать в ней чью-либо сторону [\[10, р. 599–600; 6, р. 308–311\]](#).

Четвертый номер «Старого Корделььера» был зачитан немедленно на этом же заседании под всеобщее неодобрение с указанием, что третий и пятый будут зачитаны на следующем. С этого момента дружба двух революционеров была окончательно

разрушена.

Обсуждение личности Демулен и его листков продолжалось на заседаниях Якобинского клуба 11, 10 и 12 января. Эбер всячески обличал своего оппонента, заявляя, что тот «насколько запятнан грязью, что более не может сравниться с настоящим патриотом». Робеспьер же, верный своей тактике умелого лавирования между противоборствующими лагерями, создал амбивалентный портрет своего бывшего друга: «В его произведениях вы видите самые революционные принципы наряду с максимами самой пагубной умеренности. Здесь он усиливает мужество патриотизма, там питает надежду аристократии. <...> С помощью своей грозной дубины он наносит нашим врагам самый страшный удар; с помощью пикантнейшего сарказма он разрывает на части лучших патриотов. Демулен — это причудливая смесь правды и лжи, политики и абсурда, здоровых взглядов и странных химерических проектов. <...> Я не поддерживаю здесь ничьих споров. Камиль и Эбер, в моих глазах неправы одинаково. Эбер слишком заботится о себе, он хочет, чтобы все смотрели на него, он недостаточно думает о национальных интересах» [\[10, р. 601; 6, р. 312\]](#).

10 и 11 января 1794 г. последовательно два политических клуба — кордельеры и якобинцы исключили Демулен из своего состава [\[10, р. 607, 610\]](#). Кольцо репрессий вокруг него сжималось.

Тем временем, полемика между Демуленом и Эбером с печатных страниц выплеснулась не только в залы заседаний политических клубов, но за столики уличных кафе. Одни поддерживали Демулен и осуждали Эбера, другие — наоборот считали Эбера настоящим патриотом, а Демулен если не предателем, то, во всяком случае, человеком недостойным. Одни называли автора «Папаши Дюшена» «настоящим республиканским санкюлотом», другие — «интриганом, стремящимся погубить в сознании народа его лучших защитников и истинных патриотов». Одни говорили о Демулене и дантонистах, что им нельзя доверять, другие утверждали, что Эбер, призвавший в своих листках отправить Демулен на гильотину [\[16, р. 4-5\]](#), не имел права «приговаривать к смерти представителя народа». Тайные полицейские агенты доносили, что после опубликования Демуленом в пятом номере «Старого Кордельера» сметы средств, выделенных Бушоттом на издание «Папаши Дюшена», эберовской газете был нанесен «серезный вред» и «глубокая рана», число читателей ее стало уменьшаться с каждым днем, а у самого издателя «парализовало язык» [\[17, р. 185-190\]](#).

Шестой номер: свобода под вуалью.

Шестой номер газеты Демулен, а вернее его типограф Десенне (фр. Victor Desenne, 175...–18...), долго не решался выпустить в свет. Он появился только 25 января, хотя был помечен 10 нивоза II года, т. е. 30 декабря 1793 г. В нем мятежный журналист заявил, что собирается изложить «политическое кредо Старого Кордельера», опровергнув связи с аристократами и получение денег от Питта, в которых его обвиняли оппоненты.

То ли иронизируя, то ли действительно желая сгладить конфликт, Демулен заявлял также, что раскаивается в выдвинутой им идеи «комитета милосердия», т. к. «якобинцы, кордельеры и вся гора раскритиковали его». Но различать между собой преступления и ошибки необходимо для политики Республики. Для установления свободы, писал Демулен, необходимо выполнение двух условий: свободы печати и «экономичной гильотины, которая карает всех вождей и пресекает заговоры, не нанося удар по ошибкам». Что касается свободы печати, то, если она может быть ограничена для «спасения народа в момент революции», но невозможно ограничить для депутата

свободу выражения мнения и ему следует позволить ошибаться. Здесь Демулен, депутат Национального конвента, безусловно, говорит в первую очередь о себе [\[18, р. 102–104\]](#).

Свобода — главная тема всего шестого номера. Говоря о ней, Демулен использует свои прежние суждения из № 4: «Я продолжаю считать, что наша свобода — это нерушимость принципов декларации прав; это братство, святое равенство, возвращение в мир, или, по крайней мере, во Францию, всех патриархальных добродетелей, это мягкость республиканских максим, это *res sacra miser* (Полная латинская фраза читается как *res est sacra miser* (досл. несчастный — святыня) и приписывается Сенеке. Она содержится в его эпиграмме “De custodia sepulcri” («О сохранении могилы») — А. Г.), это уважение к несчастью, которое предписывает наша величественная конституция. Я считаю, что свобода, в конце концов, есть счастье; и, разумеется, вы не убедите ни одного патриота, который сколько-нибудь размышляет, что рисовать очаровательный портрет свободы в моих номерах — это было бы заговором против свободы» [\[18, р. 108\]](#).

И далее «Старый Кордельер» рисует очень интересный образ: «В то же время я считаю, как я уже это публично признавал, что в момент революции разумная политика должна была заставить Комитет общественного спасения набросить вуаль на статью свободы, не излить на нас разом тот рог изобилия, который держит в руке богиня, но приостановить испускание части ее благ, чтобы обеспечить нам потом наслаждение всеми. Я считаю, что было правильно поставить на повестку дня террор и использовать рецепт святого духа, что страх Господень — это начало мудрости; по рецепту доброго Иисуса-санкюлота, который сказал: «Наполовину волей, наполовину силой всегда обращайте их, compelle intrare» (*Compelle intrare* (досл. с лат. заставь войти) — цитата из Евангелия от Луки (17, 23–24), которая использовалась как формула, оправдывающая насилиственное обращение иноверцев в христианство. Курсив в тексте источника — А. Г.). Никто не доказал необходимость революционных мер более сильными, чем я, аргументами, даже в моем «Старом Кордельере», о котором не хотели слышать» [\[18, р. 108–109\]](#).

Свобода, скрытая вуалью, неполноценная и ущемленная — это террористическая «свобода», проповедуемая правительством Робеспьера и соотносимая с сокрытием правды (см. подр.: [\[15, р. 159\]](#)). Согласие с ней Демулен выражал лишь для прикрытия. Тут же он дает изображение настоящей свободы такой, какой он ее видел, повторяя при этом мысли, уже высказанные ранее. Отстаивая свои взгляды на это важнейшее понятие Революции, он писал: «Я считаю, что свобода — это не страдание; что она не состоит в ношении потертой одежды с прорехами на локтях <...> Я считаю, напротив, что одна из вещей, которая больше всего отличает свободные народы от порабощенных, состоит в том, что там, где есть свобода, нет нищеты, нет лохмотьев. Я все еще считаю, как я сказал в последних трех строках моей истории о Бриссотенах, которую вы так восхваляли: что только Республика может сдержать Франции обещание, которое монархия дала ей впustую 200 лет назад: Курица в горшке для всех (выделено в тексте «Старого кордельера» — А. Г.)» [\[18, р. 109\]](#).

В мае 1793 г. на пике политического противостояния с жирондистами Демулен опубликовал уничтожающий памфлет «История бриссотенов или Фрагмент тайной истории Революции и первых шести месяцев Республики» (*фр. L'Histoire des Brissotins ou Fragment de l'histoire secrète de la Révolution et des six premiers mois de la République*). Сам он считал позднее, что именно его произведение способствовало падению и казни сторонников Бриссо.

Знаменитую фразу о курице в горшке, традиционном блюде французской кухни, по

легенде произнесенную когда-то королем Генрихом IV, можно считать своеобразным лозунгом всего шестого номера. Отсылка и «Истории бриссотов» — острого антижирондистского памфлета, написанного Демуленом в предыдущий период Революции совсем при других обстоятельствах, позволили ему далее утверждать, что он не изменил своим принципам, а те, кто обвиняют его в «отступничестве» и подчинении чужому влиянию, «не знают необузданной самостоятельности моего пера, которое принадлежит только Республике и, может быть, немногого моему воображению и его отклонениям, если хотите, но не чьему-либо господству и влиянию». Далее он продолжил: «Поэтому те, кто осуждает "Старого Кордельера", не читали "Революций Франции и Брабанта". Они вспомнили бы, что меня упрекают именно за те самые мечты о моей филантропии, которые мощно послужили революции в моих номерах 815, 90 и 91 годов. Они увидели бы, что я совсем не изменился, что это сами патриоты своими аплодисментами укоренили в моей голове эти заблуждения и что эта система республиканизма, которую хотят, чтобы я разом проскрибировал, вовсе не является во мне отступничеством, но окончательной нераскаянностью. <...> невозможно, чтобы общество даже при открытии сессии отстранило меня за то, что я исповедовал в «Старом Кордельере» ту же самую доктрину, которой оно столько раз аплодировало в моих «Революциях Брабанта» и из-за которой она назначила меня генеральным прокурором Фонаря за четыре года до того, как моя должность была передана "Папаше Дюшенну". Мы видим, что то, что называют сегодня в моих статьях *умеренностью* (курсив в тексте источника — А. Г.), является моей старой системой Утопии. Мы видим, что вся моя вина в том, что я остался при своем росте 12 июля 1789 г. <...> Вся моя вина в том, что я сохранил старые заблуждения "Свободной Франции", "Фонаря", "Революций Брабанта", "Трибуны патриотов" и не смог отказаться от прелестей моей Республики Изобилия» [\[18, р. 111–114\]](#).

Демулен имеет здесь в виду свой первый газетный проект «Революции Франции и Брабанта» (фр. *Révolutions de France et de Brabant*), а также памфлет «Речь фонаря к парижанам» (фр. *Le Discours de la Lanterne aux Parisiens*), после которого он получил шутливое прозвище Прокурор фонаря.

Пассаж о свободе, о том, что она не страдание, а счастье — полемика с Эбером, нарисовавшего в своих листках «Папаша Дюшен» образ «славного Иисуса-санкюлота», «лучшего якобинца, существовавшего на свете», который «проповедовал милосердие, братство, свободу, равенство, презрение к богатству» и благодаря которому «все лживые священники поубавили спеси» [\[19, р. 71\]](#). То есть образец истинного революционера и республиканца — бедняк санкюлот. Демулен с тем, что республиканцы должны быть нищими, категорически не согласен. Он иронизирует по адресу Эбера, который «обратился», то есть вдруг заговорил об Иисусе, хотя всегда проповедовал атеизм и Культ Разума, не признавая совсем ничего того, что было написано в Евангелии. И хотя Эбер отрицает божественную сущность Христа, заявляя, что «кровавого бога» из него сделали священники, использовав его «для своих ухищрений» и исказив его Евангелие, но сам факт появления имени Иисуса на страницах «Папши Дюшена» позволил Демулену явственно заметить, защищаясь от нападок Эбера: «Чудо! великое обращение папши Дюшена! <...> Продолжайте, Эбер; божественный санкюлот, которого вы цитируете, сказал: «На небесах будет больше радости для обратившегося папши Дюшена, чем для девяноста девяти старых кордельеров, не нуждающихся в покаянии». Но помните, что вы читали в той же книге: «Не говори брату твоему "Рака", то есть "Тупица"» [\[18, р. 116\]](#).

Тупицей (un viédase, от фр. visage d'âne — ослиная морда) Эбер назвал Демулена в №

328 своей газеты «Папаша Дюшен». Демулен иронически перефразирует евангельские высказывания Христа: «Кто же скажет брату своему: "ракá", подлежит синедриону» (Мф. 5: 22) и «На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15:7). Рака — это слово в I в. н. э. использовали иудеи для выражения глубокой неприязни к кому-либо. "Рака" происходит из арамейского и еврейского слов, означающих "пустой" или "бесполезный". Буквально оно переводится как «пустоголовый».

В целом, шестой номер нес в себе двоякую идеологию. С одной стороны, Демулен демонстративно раскаивался в своей идее о комитете милосердия, как будто признавая необходимость террора в определенные исторические периоды, то есть используя примирительную риторику в отношении Робеспьера, с другой же — яростно защищался против обвинений в связях с аристократами, выдвинутых против него якобинцами. Но, несмотря на все завуалированность и сдержанность публикаций, шестой номер был переполнен чашу терпения Робеспьера и стал толчком для ареста Демулена, который произошел в конце марта.

Седьмой номер: «Боги жаждут!»

История седьмого номера «Старого Корделььера» драматична. Номер был помечен 15 плювоза II года (3 февраля 1794 г.), то есть изначально планировалась, что он выйдет через девять дней после предыдущего. Однако Демулен все еще продолжал править корректуры, когда 30 марта 1794 г. в его дом явились солдаты, чтобы арестовать его. Корректуры опечатали и забрали вместе с другими его бумагами. Ряд историков предполагали, что кто-то из лагеря Робеспьера выкрадал несколько страниц номера из дома Демулена накануне 30 марта, что послужило окончательному решению об аресте [15, р. 162]. Так или иначе, но в седьмом номере Демулен уже не скрывал своих обвинений в адрес террористического Комитета общественного спасения и лично Робеспьера.

Номер получил название «За и против или Разговор двух старых кордельеров», воплотив в себе двойственную позицию Демулена относительно ограничения свободы слова и печати. Текст его был построен в форме диалога самого Демулена и его собеседника, Старого Корделььера. При этом Старый Корделььер отстаивал полную, ничем не ограниченную свободу слова, письма и печати. Более того, он утверждал, без свободы слова нет республики, а с ней любое государство может таковой стать: «Что отличает республику от монархии? Только одно: свобода говорить и писать. Имейте свободу печати в Москве, и завтра Москва будет республикой. Вот как, вопреки воле Людовика XVI <...> и всего правительства целиком, заговорщического и роялистского, одна свобода печати вела нас, как за руку, до 10 августа и свергла пятнадцать вековая монархия, почти без кровопролития» [20, р. 123-124].

Его визави, которого Демулен вывел под своим именем, отстаивал примирительную позицию, утверждая, что полная свобода слова и письма — недостижимый идеал: «Я не знаю, допускает ли человеческая природа то совершенство, которое предполагает неограниченная свобода говорить и писать. Я сомневаюсь, что в какой-либо стране, в республиках, а также в монархиях те, кто правят, когда-либо были способны допустить эту неограниченную свободу» [20, р. 154].

В некоторых же исторических ситуациях, утверждал «Демулен», неограниченная свобода слова может быть даже вредна. В качестве примера среди прочих он привел Цицерона с его неприязнью к Марку Антонию: «Антоний отменил имя диктатора после смерти

Цезаря; он заключил мир с тираноубийцами. В то время как трусливый Октавиан, всю битву скрывавшийся за повозками, одержавший победу благодаря возвышенному мужеству Антония, трусливо оскорблял труп Брута, пронзившего себя мечом, Антоний пролил слезы над последним из римлян, и прикрыл его своим доспехом; и пленники, приближаясь к Антонию, приветствовали его именем императора, вместо того, чтобы иметь лишь оскорблений и презрение для этого трусливого и жестокого Октавиана. Но старик Цицерон своими речами сделал Антония непримиримым врагом республики и правительства, которое по своей природе было таким ярким изображением его пороков и этой неограниченной свободы писать. Цицерон уверяет, что он безвозвратно отказался от Антония и, как все люди, за исключением Катона, столь редкого в человеческом роде, он пожертвовал всем без политики ради своего спасения, а не ради спасения родины, что считал себя обязанным ласкать Октавиана, чтобы противопоставить его Антонию и таким образом сделать себе щит опаснее меча. Популярность и красноречие Цицерона были тем мостом, по которому Октавиан перешел к командованию армиями, и, прибыв туда, он сломал мост. Таким образом, невоздержанность языка Цицерона и свобода печати погубили дела республики так же, как и добродетель Катона <...> Я признаю, что, когда добродетель и свобода печати становятся несвоевременными, вредными для свободы, республика, охраняемая пороками, подобна юной девице, честь которой защищается только честолюбием и интригами, а часового вскоре разворачивают [20, р. 159–161].

Историк Революции Ж. Мишле трактует этот отрывок в том ключе, что в образе доблестного Антония Демулен вывел Дантона, а в образе трусливого Октавиана—Робеспьера [21, с. 2813].

При этом из самого диалога невозможно понять, на чьей же стороне автор. Он как будто он не отдает предпочтения ни одному из собеседников. Здесь обе, по сути, противоположные точки зрения, как и в предыдущем номере, гармонично сосуществуют, хотя сосуществование не лишено тревожности, обусловленной историческим фоном создания текста.

Соглашаясь со Старым Кордельером в том, что свобода печати должна быть неограниченной и в том, что, ее имеют своей основой республики, но выражая в то же время сомнения в том, что существуют правительства, способные допустить такую свободу, «Демулен» вновь возвращается к образу террористической «свободы» из шестого номера, которая завешена черной вуалью. И здесь снова возникают обвинения в адрес эбертистов, которые опускают эту вуаль «чистыми руками» и способствуют тем самым английскому премьер-министру Питту, находясь с ним в некоей «косвенной коалиции». Заканчивается диалог замаскированным призывом к смягчению террора, усиления которого требовали, как известно, эбертисты: «Позавидовали бы вы теперь этой свободе французов, полюбили бы вы эту жаждущую крови богиню, первосвященник которой Эбер, Моморо (Моморо Антуан-Франсуа (фр. Antoine-François Momoro, 1756–1794) — французский издатель и книготорговец, радикальный революционер. Осужден и казнен по делу эбертистов. — А. Г.) и им подобные осмеливаются требовать, чтобы храм строился, как храм в Мексике, из костей трех миллионов граждан, и беспрестанно говорят якобинцам, коммуне, кордельерам то, что испанские священники сказали Монтесуме? Боги жаждут! [20, р. 156, 163–164].

Издатель «Старого кордельера» Десенн, когда после Термидорианского переворота смог, наконец, издать седьмой номер, изъял или сократил все, что касалось обвинений в адрес Робеспьера несмотря на то, что сам Робеспьер уже был казнен. Самоцензуре

подвергся, например, такой вложенный в уста Старого Кордельера и обращенный к «Демулену» пассаж диалога: «Было бы лучше ошибаться, как папаша Дюшен в его разоблачениях, которые он делает без разбора, но с энергией, характеризующей республиканские души, чем видеть этот ужас, который замораживает и сковывает сочинения и мысль <...> Робеспьер проявил великий характер несколько лет назад на трибуне якобинцев, когда однажды в минуту жестокой немилости он ухватился за трибуну и выкрикнул, что его нужно убить там или высушать, но ты, ты был рабом, а он деспотом, в тот день, когда ты смирился с тем, что он так резко оборвал тебя при первом твоем слове: *сжечь не значит ответить!* и когда ты не продолжил упорно говорить в свое оправдание» [\[22, р. 188–189\]](#).

Старый Кордельер высказывает те мысли, которые Демулен не решился изложить от себя и которые были вычеркнуты Десенном при издании. И как будто в подтверждение этого через все изъятые фрагменты рефреном проходит риторический вопрос Старого Кордельера к «Демулену»: «осмелишься ли ты?» (*фр. oserais-tu*) сказать что-либо, сделать что-либо, выразиться каким-либо образом, обратиться к кому-либо. В частности, обвиняя Робеспьера в бриссотизме за призывы к войне против Англии. Кордельер говорит: «Робеспьер в своей речи к якобинцам (См. Речь Робеспьера в Якобинском клубе 1 плювиоза II года (28 января 1794 г.): [\[23, с. 105–106\]](#)), сам того не сознавая, взял на себя роль Бриссо, придавшего войне национальный характер! <...> И именно Робеспьер забыл, таким образом, глубоко дипломатичную, увлекательную, неопровергнутую речь, которую он произнес в декабре 1791 г., когда почти наедине с вами он так решительно высказался против войны. Именно Робеспьер забывает те энергичные слова, которые он тогда сказал: «Когда пожар в нашем доме, нужно пойти и потушить его в домах других людей!» Именно он забывает эту великую истину, которую он тогда так хорошо провозглашал и развивал, что война всегда была источником деспотизма, который по своей природе имеет силу только в оружии и не может добиться ничего, кроме как острием меча, тогда как свобода не нуждается в пушках и никогда не совершает завоеваний ничем более, как миром, так как царствует не террором, а своими чарами; ей не нужно прятаться в окопах, чтобы брать города; но как только мы видим ее, мы влюбляемся в нее и бежим ей навстречу. Но осмелишься ли ты сделать подобные сравнения и этими контрадикциями вернуть Робеспьеру те насмешки, которые он с некоторых пор изливает на тебя?» [\[22, р. 203–205\]](#).

Десен исключил из текста Демулена целиком «Продолжение политического кредо», которым должен был открываться седьмой номер и которое должно было стать развитием концепции шестого. Именно это «Продолжение» и звучало от лица самого журналиста. В нем Демулен вновь призывал к ослаблению террора, и утверждал, что настоящий республиканизм и свобода не предполагает тех тиранических жестов, на которые идет нынешнее правительство — Комитет общественного спасения, узурпировавший власть. На этом фоне даже жестокие римские императоры Нерон, Тиберий и Калигула кажутся более гуманными. Демулен писал: «Комитет уже назначает на все должности и даже в комитеты Конвента, даже комиссаров, которых он посыпает в департаменты и в армии. В его руках один из величайших источников политики — надежда, которой правительство привлекает все амбиции, все интересы. Чего ему не хватает для того, чтобы подчинить себе или, вернее, разрушить Конвент и реализовать всю полноту децемвирата?» [\[22, р. 173–174\]](#).

Демулен здесь сравнивает якобинский Комитет общественного спасения (12 человек) с децемвиратом (10 человек) в Древнем Риме, заменившим на два года в середине V в. до

н. э. своей властью власть двух консулов для составления законов. При децемвирате ряд ключевых гражданских свобод были отменены, при втором составе децемвиров была введена жесткая тиария.

Это политическое кредо должно было получить свое продолжение в восьмом номере, из которого сохранился лишь небольшой отрывок, в нем Демулен выступает против тиарии и призывает ввести во Франции Конституцию. Если же этого не будет сделано, тогда, утверждает журналист, необходима новая революция [\[22, р. 244\]](#).

Но ни новой революции, которой можно считать Термидорианский переворот конца июля 1794 г., отправивший на гильотину всесильного диктатора Робеспьера, ни введения Конституции Демулен не увидел: он был казнен 5 апреля. Его извечный оппонент в журнальных спорах Жак-Рене Эбер оказался на эшафоте немного ранее — 24 марта.

Выводы

С течением Революции взгляды Демулена, которые в ее начале были достаточно радикальными, на фоне террора претерпели значительную эволюцию. Именно для того, чтобы оказывать влияние на события, он вернулся в журналистику и вновь стал издавать собственную газету — занятие, которое оставил, когда отошел от издания периодической брошюры «Революции Франции и Брабанта».

Талантливый журналист, Демулен выстраивал тексты своих номеров используя «эзопов» язык и иносказательные образы, которые, однако, были вполне понятны современникам. Политическая позиция Демулена становилась все более непримиримой к правительственной террористической политике. В конце концов непримиримая борьба с Робеспьером с газетных страниц привела к тому, что Демулен оказался на гильотине.

Библиография

1. Maron E. *Histoire littéraire de la Convention nationale*. Paris : Poulet-Malassis et de Broise, 1860. 359 р.
2. Le Vieux Cordelier. 1793. No 1. 15 frim. II [5 dec.]. 8 р.
3. Имашева О.А. Персонология: о понятиях «образ автора» и «языковая личность» // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: сборник трудов кафедры лингвистики и иностранных языков. М.: РГУ им. Косыгина, 2024. С. 13–16.
4. Дегтярева А.Н. Структура категории «образ автора» в художественном дискурсе // Российский лингвистический бюллетень. 2023. № 3(39). URL: <https://rulb.org/archive/3-39-2023-march/10.18454/RULB.2023.39.17>.
5. Верезубова Е.Е., Шведчикова М.С. Язык и символы нового общества во Франции эпохи революции // Гуманитарные науки и вызовы нашего времени: сборник материалов V Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 9–10 марта 2023 г. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 66–69.
6. Robespierre M. *Œuvres complètes* : 10 vol. Paris : E. Leroux, 1910. T. 10. 655 р.
7. Janssens J. Camille Desmoulins. *Le premier républicain de France*. Paris : Perrin, 1973. 781 р.
8. Le Vieux Cordelier. 1793. No 2. 20 frim. II [10 dec.]. P. 9–24.
9. Le Vieux Cordelier. 1793. No 3. 25 frim. II [15 dec.]. P. 25–48.
10. La Société des Jacobins : recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris: 6 vol. Paris : Quantin, 1895. T. 5. [2], 711 р.
11. Le Vieux Cordelier. 1793, 1793. No 4. 30 frim. II [20 dec.]. P. 49–64.
12. Le Vieux Cordelier. 1793. No 5. 5 niv. II [25 dec.]. P. 57–100.
13. Mercier L.-S. *Paris pendant la Révolution (1789–1798) ou le Nouveau Paris* : 2 vol. Paris

- : Poulet-Malassis, 1862. T. 2. 474 p.
14. Chardigny L. Ce bon M. Maillard, chef des tape-dur[s] // Ric et Rac : grand hebdomadaire pour tous. 1944. No 754. 14 avr. P. 3.
15. Weber C. Terror and Its Discontents: Suspect Words in Revolutionary France. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. 320 p.
16. Le Père Duchesne. [1793]. No 332. 8 p.
17. Walter G. Hébert et le Père Duchesne 1757–1794. Paris: J.B. Janin, 1946. 456 p.
18. Le Vieux Cordelier. 1793. No 6. 10 niv. II [30 dec.]. P. 101–116.
19. Le Père Duchesne. [1793]. No 307. 8 p.
20. Le Vieux Cordelier. 1794. No 7. 15 pluv. II [3 fev.]. P. 117–172.
21. Мишле Ж. История Французской революции: в 6 т. / пер. с фр. М.: Ладомир, 2022. Т. 5. С. 2750–3193, [5] с. (Литературные памятники).
22. Le vieux Cordelier de Camille Desmoulins, seule édition complète. Paris : Ébrard, 1834. XXXV, 254 p.
23. Робеспьер М. Избранные произведения: в 3 т. М.: Наука, 1965. Т. 3. 318 p

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья посвящена достаточно актуальному предмету научного исследования, языковой личности французского адвоката, журналиста и общественного деятеля эпохи Великой французской революции, Камиля Демулена, и его газете «Старый Кордельер»: «нумерация страниц для всех номеров была сквозной с несколькими сбоями. Каждый номер содержал одно эссе на ту или иную тему, поэтому газета представляла из себя скорее периодический памфлет, нежели газету в современном смысле этого слова, что, впрочем, в ту эпоху отнюдь не было редкостью. Но острота материалов, их злободневность и неповторимый стиль Демулена выделяли листки среди собратьев».

Теоретической основой исследования явились в основном исторические труды на французском языке (Maron E. Histoire littéraire de la Convention nationale, 1860; Mercier L.-S. Paris pendant la Révolution (1789–1798) ou le Nouveau Paris, 1862; Le vieux Cordelier de Camille Desmoulins, 1834; La Société des Jacobins: recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris, 1895; Janssens J. Camille Desmoulins. Le premier républicain de France, 1973 и др.). Методология проведенного исследования в статье не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы в исследовании использованы общенаучные методы анализа и синтеза, биографический метод, сравнительно-исторический и описательный методы, а также метод дискурсивного анализа, который представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) проследить трансформацию языковой личности Демулена с течением Революции, взгляды которого «в ее [Великой французской революции] начале были достаточно радикальными, [но] на фоне террора претерпели значительную эволюцию», и сделать вывод о том, что «талантливый журналист, Демулен выстраивал тексты своих номеров, используя «эзопов» язык и иносказательные образы, которые, однако, были вполне понятны современникам. Политическая позиция Демулена становилась все более непримиримой к правительственной террористической политике. В конце концов

непримиримая борьба с Робеспьером с газетных страниц привела к тому, что Демулен оказался на гильотине».

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в развитие теории дискурса, социолингвистики, политической лингвистики, языковой личности. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в процессе дальнейшего изучения языковой личности Камиля Демулена и публицистического дискурса эпохи Великой французской революции.

Библиография статьи включает 20 источников, в основном иностранных. Однако, как отмечалось ранее, это в большинстве своем исторические работы, что представляется недостаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Также автор(ы) практически не апеллируют к научным работам последних лет. Рекомендуем автору(ам) подобно ознакомиться с требованиями редакции, предъявляемыми к библиографическому списку научной публикации в журнале «Филология: научные исследования» («В список литературы включаются только рецензируемые научные источники (статьи из научных журналов и монографии)...»), а также с принципами библиографического описания иностранных изданий.

Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после расширения библиографии, в том числе актуальными работами (изданными в последние 3 года), и устранения недочетов в оформлении библиографии.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования – эволюция языковой личности и образа автора сквозь призму лингвистических особенностей текста источника и различных экстралингвистических аспектов. Автор исследования детально анализирует номера газеты «Старый Кордильер», которую издавал Камиль Демулен, правый якобинец, во время Великой французской революции.

Методология исследования основана на сочетании общенаучных методов анализа и синтеза, биографического метода, сравнительно-исторический и описательный методов, а также метод дискурсивного анализа. Используемые методы позволили автору сделать аргументированные выводы о лингвистических особенностях источников, а также продемонстрировать эволюцию языковой личности и образа Камиля Демулена как автора.

Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что средства массовой информации отражают происходящие в обществе процессы, являются индикаторами социального настроения, а также оказывают влияние на формирование мировоззрения у населения. Следовательно, исследование работ деятелей переломных, судьбоносных эпох представляют несомненный интерес, поскольку их языковая личность и ее тезаурус складываются в экстраординарных быстро меняющихся обстоятельствах.

Научная новизна заключается в том, что автор дает комплексную характеристику номеров газеты «Старый Кордильер», проводит их сравнительно-исторический анализ, демонстрируя на основе этого комплекса текстов эволюцию языковой личности Камиля Демулена. Автор подчёркивает, что исследование в большей степени было сосредоточено на историческом аспекте журналистского творчества, нежели на

вопросах медиалингвистики.

Стиль изложения научный, структура, содержание.

Статья написана русским литературным языком. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор дает историческую справку о газете «Старый Кордильер»); методология, актуальность, новизна (автор аргументирует актуальность и новизну выбранной темы, перечисляет использованные в исследовании методы); основная часть (в этом разделе автор проводит комплексное исследование демуленовских текстов, он детально анализирует семь номеров газеты «Старый Кордильер», измышления автора подкреплены иллюстративными примерами, что позволяет наглядно наблюдать эволюцию политической позиции Камиля Демулена); выводы (основываясь на результатах исследования автор делает выводы о том, что взгляды Камиля Демулена претерпели значительные изменения, будучи талантливым журналистом, он выстраивал тексты своих номеров используя «эзопов» язык и иносказательные образы, которые были понятны его современникам и отражали установки общества в переломный для Франции исторический период); библиография (включает 23 источника отечественных и зарубежных авторов, а также первоисточники эмпирического материала). Содержание в целом соответствует названию.

Выводы, интерес читательской аудитории

Результаты исследования будут интересны тем, кто интересуется анализом языковой личности, а также тем, кто исследует эволюцию языковой личности и образа автора на материале работ видных деятелей различных эпох. Проведенный анализ первоисточников и иллюстративные примеры дают представление о происходящих в обществе времен Великой французской революции процессах, следовательно, позволяет взглянуть на эпоху сквозь призму свободных средств массовой информации.

Рекомендации автору:

1. Возможно, стоит несколько расширить название статьи «Журналист в декорациях террора: Камиль Демулен и газета «Старый Кордильер», добавить ссылку к языковой личности и образу автора.

2. В тексте статьи присутствуют опечатки (Всесильный диктор Робеспьер; С неспособным генером; Эбер всячески обличал своего оппонента, заявляя).

3. Было бы хорошо унифицировать оформление дат в тексте: 20 фримера II года (10 декабря 1793 г.), 14 декабря (24 фримера) или 25 фримера II года

В целом рукопись соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным статьям. Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Филология: научные исследования» (рубрика «Автор и его позиция»).